Международно-правовые подходы к решению проблем реализации проекта поставок газа из России в Республику Корея

В настоящее время обсуждается, в том числе на самом высоком политическом уровне, проект поставок российского газа в Республику Корея. В настоящей статье рассматриваются возможные международно-правовые механизмы реализации данного проекта.

Юджин Ли,
руководитель по работе
с корейскими компаниями
в России и СНГ
ЗАО «КПМГ»

В XXI в. существенно возрастут масштабы мировой торговли энергоносителями. Это приведет к тому, что увеличивающиеся объемы этих энергоносителей будут пересекать все больше границ по пути от добывающих регионов до потребительских рынков. Соответственно, вырастет количество международных транзитных систем, которые в будущем могут подвергаться воздействию различных технологических, политических и экономических рисков. Гарантией обеспечения бесперебойного функционирования международных транзитных маршрутов должно стать формирование соответствующей международно-правовой базы как на двусторонней, так и на многосторонней основе[1].

Транзит, безусловно, способствует надежности снабжения стран-потребителей, доступу стран-производителей к рынкам и получению дохода странами, по территории которых он осуществляется, содействуя таким образом свободной и открытой торговле. В то же время транзит основных энергоносителей (нефти, газа и электроэнергии) требует капиталоемких стационарных инфраструктур. Кроме того, для организации транзита необходимо достижение договоренностей с государствами, по территории которых предполагается осуществлять транзит, а также с организациями, владеющими транзитной инфраструктурой.

[1] Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика / С. Жизнин. М.: ООО «Ист Брук», 2005. С. 452.

Поэтому создание любой транзитной системы сопровождается заключением ряда межправительственных соглашений, ключевые положения которых нацелены, с одной стороны, на согласование всех основных вопросов, возникающих при организации проекта, а с другой — на снижение транзитных рисков до приемлемого уровня.

Несмотря на определенные риски, связанные с транзитом, в последнее время предпринимаются активные попытки доработки правовых механизмов, регулирующих отношения в данной сфере, в частности попытки модернизации Договора к Энергетической хартии[2], что свидетельствует об ожидании дальнейшего повышения роли транзита на энергетическом рынке. Сложившаяся ситуация обусловлена ростом поступления на мировые рынки энергоносителей из новых независимых государств, для доставки которых потребуется пересекать большое число границ.

> Гарантией обеспечения бесперебойного функционирования международных транзитных маршрутов должно стать формирование соответствующей международно-правовой базы как на двусторонней, так и на многосторонней основе.

В последнее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе вопросы международно-правового обеспечения энергетического сотрудничества становятся все более актуальными. В частности, проект поставок газа из России в Республику Корея транзитом через Северную Корею (далее — проект) является одним из самых значимых трансграничных проектов в данном регионе, которые планируется осуществить в будущем.

Предпосылкой для реализации данного проекта, как и в других похожих случаях, явилась острая необходимость поиска наиболее оптимального и взаимовыгодного для России и Южной Кореи варианта торговли природным газом.

Председатель правления ОАО «Газпром» А. Миллер во время своего визита в Сеул в ноябре 2010 г. отметил, что «реализация Восточной газовой программы[3], в рамках которой ведется строительство газопровода Сахалин — Хабаровск — Владивосток и планируется прокладка газопровода Якутия — Хабаровск — Владивосток, позволит не только удовлетворить потребности российских потребителей на Дальнем Востоке, но и создать необходимые предпосылки для осуществления дополнительных поставок природного газа из России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в Республику Корея».

Южная Корея в целях обеспечения энергетической безопасности государства ищет возможность диверсифицировать линии импорта энергоносителей, чтобы не полагаться только на Ближневосточный регион. Это послужило толчком для развития сотрудничества между Россией и Южной Кореей в целях реализации проекта поставок газа из России в Республику Корея. В связи с тем что в данном проекте рассматривается вариант поставки газа через Северную Корею, впервые в Азиатско-Тихоокеанском регионе потребуется решить проблему транзита энергоносителей, которая на данный момент представляется самой серьезной преградой для реализации проекта.

Тема реализации российско-корейского газового проекта до настоящего времени комплексно не исследовалась. В различных публикациях рас-

[2] На Конференции по Энергетической хартии, которая состоялась 9 декабря 2009 г. в Риме, было принято так называемое Римское заявление. Взяв за основу Договор к Энергетической хартии и приняв заявление, государства согласились запустить процесс модернизации. Далее, 22 марта 2010 г. Конференция по Энергетической хартии утвердила мандат для создания постоянной Группы по стратегии, которая будет отвечать за этот процесс.

[3] В сентябре 2007 г. приказом Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации утверждена Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (Восточная газовая программа). «Газпром» назначен Правительством Российской Федерации координатором деятельности по реализации этой программы. Данная программа предполагает формирование центров газодобычи в Красноярском крае, Иркутской области, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области и Камчатском крае. Программой определено, что вместе с созданием центров газодобычи и единой системы транспортировки газа будут синхронно развиваться газоперерабатывающие и газохимические производства, в том числе мощности по производству сжиженного природного газа. Таким образом, газовая и перерабатывающая отрасли на востоке России будут развиваться комплексно //www.gazprom.ru/production/projects/east-program.

сматривались лишь отдельные аспекты указанной темы, в основном политические и экономические. До настоящего времени отсутствовала внятная стратегия создания юридических механизмов для реализации проекта поставок российского газа в Южную Корею. Кроме того, весьма сложной представляется проблема международного сотрудничества с Северной Кореей.

Несмотря на то что российско-корейский газовый проект обладает несомненной спецификой, для создания юридических инструментов, с помощью которых можно будет решить проблемы на системной основе, необходимо опираться, во-первых, на существующую международно-правовую базу, а во-вторых, на опыт осуществления других проектов подобного масштаба. Несомненно, следует учесть и существующую правовую базу, на основе которой в настоящий момент строятся отношения между вовлеченными в проект государствами.

При создании юридических инструментов для реализации данного проекта необходимо учитывать, что положения, регулирующие отношения в сфере транзита энергоносителей, должны четко регламентировать следующие три ключевых вопроса:

- баланс интересов всех участников транзитных правоотношений, то есть государства-поставщика, государства-транзитера и государства-потребителя;
- эффективный механизм оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации, возникающие в процессе транзита энергоносителей;
- правовые инструменты принуждения государств к исполнению принятых на себя международно-правовых обязательств по транзиту энергоносителей.

Среди международно-правовых источников, определяющих принципы трансграничного транзита энергоносителей, важное место занимают Барселонская конвенция о свободе транзита 1921 г., статья 5 «Свобода транзита» ГАТТ, Соглашение о Всемирной торговой организации и Договор к Энергетической хартии.

Однако вряд ли формулировки положений перечисленных договоров годятся для эффективного решения проблем транзита газа по российско-корейскому проекту, так как специфику проекта определяет участие в нем, с одной стороны, России, а с другой — обеих Корей[4].

Хотелось бы отметить, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже были предприняты отдельные достаточно успешные попытки создания эффективных механизмов регионального сотрудничества в энергетической сфере[5], однако всеобъемлющего договора, к сожалению, до сих пор нет.

Впрочем, некоторая международно-правовая база взаимоотношений государств — участников проекта уже сформировалась[6]. Ключевым документом

[4] В 2009 г. Россия приостановила временное применение Договора к Энергетической хартии и пока не вступила в ВТО, а Южная Корея является членом ВТО, но в ДЭХ принимает участие только в качестве наблюдателя. Северная Корея не участвует ни в одном из упомянутых договоров.

[5] В числе международных организаций, вовлеченных сегодня в процессы многостороннего энергетического сотрудничества в регионе, можно отметить такие, как Международное энергетическое агентство, Энергетическая хартия, АСЕАН+3 (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии), а также те организации, деятельность которых затрагивает всю или какую-то часть Северо-Восточной Азии: Программа развития района реки Тумен (TRADP) и KEDO. Кроме этого, работает множество организаций, объединяющих правительственных чиновников и ученых для участия в регулярных конференциях: Северо-восточный азиатский нефтяной форум, Симпозиум по тихоокеанскому сотрудничеству энергии, Северо-восточный азиатский форум газа и трубопровода, Северо-восточный азиатский экономический форум. Среди структур ООН можно отметить Экономическую и социальную комиссию для Азии и Тихого океана, которая находится в процессе выработки механизмов межправительственного энергетического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. С 2001 г. был проведен ряд встреч, на которых было решено учредить Комитет высших должностных лиц и несколько рабочих групп, с тем чтобы обратиться к определенным областям потенциальной деятельности.

[6] Были заключены Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в отраслях топливно-энергетического комплекса 2000 г., Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области газовой промышленности 2006 г., а также приняты документы в развитие данных межправительственных соглашений на уровне национальных компаний. Это прежде всего Соглашение между «Газпромом» и Kogas о сотрудничестве 2003 г., Меморандум о взаимопонимании по поставкам природного газа из России в Южную Корею 2008 г. и Соглашение по исследованию проекта поставок российского газа в Южную Корею от конечной точки газопровода Сахалин – Хабаровск – Владивосток 2009 г.

здесь является **Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в области газовой промышленности** (Сеул, 17 октября 2006 г.). Именно оно устанавливает международно-правовые рамки для реализации российско-южнокорейского проекта.

Статья 2 соглашения устанавливает, что контрактные объемы природного газа, поступающего из России, согласованные уполномоченными организациями (каковыми в данном случае являются «Газпром» и Kogas), будут поставляться в Республику Корея трубопроводным транспортом на основе сохранения взаимной выгоды по долгосрочным контрактам. Такие поставки из Российской Федерации и закупки Республикой Корея природного газа будут осуществляться в соответствии с национальным законодательством каждой из сторон и рассматриваемым соглашением.

> ...пока транспортировка газа транзитом через территорию КНДР рассматривается как основной вариант поставок обоими государствами.

В отношении поставок природного газа стороны также отмечают, что Российская Федерация проводит политику единого экспортного канала для природного газа, добываемого в Российской Федерации, и разрабатывает программу создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР (ст. 2). Актуальность скорейшей реализации проекта для обеих стран подчеркивается в статье 3, согласно которой договоры (контракты), содержащие коммерческие, юридические и технические условия поставок газа (включая формулу цены на газ, объемы газа, сроки поставок газа, пункты отгрузки и доставки газа), согласовываются уполномоченными организациями в возможно короткий срок после заключения соглашения.

Однако на данном этапе многие вопросы, непосредственно связанные с проектом, не урегулированы на международно-правовом уровне, что требует принятия дополнительного межправительственного соглашения по проекту.

Сегодня «Газпром» и Kogas рассматривают различные варианты организации поставок газа в Республику Корея. Если не получится проложить трубопровод в Южную Корею через территорию КНДР, то будут рассматриваться варианты поставок газа в сжиженном виде при помощи танкеров либо прокладки трубы по дну Восточного моря Корейского полуострова[7]. Но пока транспортировка газа транзитом через территорию КНДР рассматривается как основной вариант поставок обоими государствами.

К настоящему моменту все контакты по вопросам подготовки правовых основ проекта имели место в основном между Россией и Южной Кореей, практически без участия КНДР, хотя очевидно, что в данном процессе должны принимать участие все три стороны. Что касается участия в проекте КНДР, то здесь возможны два варианта: либо Северная Корея позиционируется исключительно в качестве транзитного государства, либо в перспективе она рассматривается как потребитель российского газа.

В случае если Северная Корея станет потребителем российского газа, то этот вопрос должен быть урегулирован на двусторонней основе с Россией, что подразумевает заключение отдельного двустороннего договора о поставке газа из России в Северную Корею, то есть возникнут самостоятельные правовые отношения между Россией и Северной Кореей.

По вопросам транзита российского природного газа Россия, Республика Корея и КНДР могут заключить трехстороннее рамочное соглашение, в котором будут учтены и согласованы интересы сторон по всем ключевым вопросам функционирования транзитного газопровода, включая плату за транзит, вопросы обеспечения надежности и бесперебойности поставок, эффективную и исчерпывающую процедуру урегулирования возможных споров, а также создание совместного предприятия, если стороны согласятся на это.

[7] *Юн Бюн Чол.* Перспективы энергетического сотрудничества России и Республики Корея в области поставок природного газа в Республику Корея: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2007. С. 20.

Вместе с тем дополнительно нужно заключить двусторонние соглашения в формате Россия — Республика Корея (по поводу поставки) и Россия — КНДР (по поводу транзита), в которых более детально будут отражены вопросы взаимодействия по конкретным аспектам. Таким образом, предполагается осуществлять международно-правовое обеспечение проекта в сочетании двух форматов — трехстороннего и двустороннего.

Возможен другой вариант: заключаются только двусторонние соглашения без трехстороннего «зонтичного» соглашения (umbrella treaty).

Каждый вариант имеет свои плюсы и минусы. Сравнительный анализ различных межправительственных соглашений показал, что выбор формы межправительственного соглашения во многом зависит от политической конъюнктуры и взаимоотношений государств — участников проекта. Не вызывает сомнений тот факт, что двусторонние соглашения могут быть проработаны и заключены более оперативно и легко, чем трехстороннее соглашение. Это подтверждает пример проекта строительства газопровода Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай, при реализации которого был выбран двусторонний формат решения всех вопросов.

Однако трехстороннее «зонтичное» соглашение об общих принципах реализации проекта сможет предоставить более полную картину проекта прежде всего инвесторам, которые должны принять решение о своих инвестициях в такой капиталоемкий трансграничный проект.

За основу соглашения для этого проекта, на наш взгляд, можно взять **типовое межправительственное соглашение,** разработанное Секретариатом Энергетической хартии, так как его договорная структура представляется вполне исчерпывающей[8]. Текст соглашения состоит из двадцати статей и разделен на четыре части: толкование и сфера применения соглашения, обязательства общего характера, налоги и недискриминация, заключительные положения[9].

Типовые соглашения нацелены на оказание содействия в проведении переговоров по конкретным проектам и устанавливают рекомендательные исходные точки для переговорного процесса, отражая различные интересы заинтересованных сторон.

На сеульской конференции «Газ и трубопроводы в Северо-Восточной Азии» 2005 г. тогдашний Генеральный секретарь Энергетической хартии Рия Кемпер в своем вступлении особо отметила, что в 2004 г. эти типовые соглашения способствовали определению основы для переговоров между Казахстаном и Азербайджаном по транскаспийской транспортной системе Актау — Баку.

Предполагается, что данное типовое соглашение также сможет послужить исходной точкой для переговоров, в процессе которых должны быть учтены различные интересы сторон российско-корейского проекта.

Другой важный вопрос состоит в том, какие правовые принципы и нормы должны лечь в основу будущих межправительственных соглашений. При этом нетрудно предположить, что при заключении подобных соглашений российская сторона будет руководствоваться принципами, изложенными в **«Концептуальном подходе к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики»[10].**

Основой соглашения по транзиту могут стать принципы, изложенные в приложении 1 к указанному документу, озаглавленном «Элементы соглашения о транзите». Данное приложение содержит **перечень элементов,** которые должны быть учтены в соглашении о транзите.

Среди них в плане обеспечения непрерывности транзита следует обратить внимание на следующие:

- обязательства сторон соглашения обеспечивать выполнение обязательств по транзиту своими субъектами;
- неприемлемость непредусмотренного транзитными договорами прерывания или сокращения транзита, а также вмешательства в транзитные потоки;

[8] В 2007 г. на конференции Энергетической хартии одобрена вторая редакция Типовых соглашений по трансграничным трубопроводам.

[9] Режим доступа: encharter.org.

[10] Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики. Режим доступа: archive.kremlin.ru/ text/docs/2009/04/215303.shtml.

- ответственность сторон за убытки, причиненные в результате невыполнения требований соглашения и транзитных договоров;
- систему органов (комиссий, формируемых на основе представительства сторон и авторитетных международных организаций), уполномоченных урегулировать чрезвычайные ситуации и действующих на принципах равноправного участия сторон;
- обязательность реагирования сторон на запросы партнеров и обязательства по обеспечению доступа экспертов сторон и органов по урегулированию конфликтов к транзитной инфраструктуре;
- предпочтительность дипломатических каналов урегулирования конфликтов перед судом с возможностью разрешения споров в соответствии с арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Данные принципы стоит применить к российско-корейскому газовому проекту, поскольку идея разработана в стране, которая является одновременно и поставщиком, и транзитером, и потребителем. Предполагается, что в данном документе в равной степени учтены интересы участников проекта.

Во многом новый концептуальный подход, предлагаемый Россией, подтверждает приверженность принципам ДЭХ, таким как, например, недискриминационность и прозрачность транзитных тарифов, непрерывность транзитных поставок, ответственность сторон за невыполнение обязательств по транзиту. Ключевым отличием нового подхода является особое внимание, уделяемое обеспечению надежности транзита и преодолению кризисных ситуаций в сфере транзита. В связи с этим стоит обратить внимание на один документ, который разработан уже на основе «Концептуального подхода...» России.

16 ноября 2009 г. в Москве был подписан **Меморандум о механизме раннего предупреждения в сфере энергетики в рамках энергодиалога Россия — ЕС.** В нем прописаны совместные действия на случай перебоев с поставками энергоносителей в Европу. В разделе 1.2 документа чрезвычайная ситуация определяется как ситуация «значительного нарушения (физического прерывания) в поставках природного газа, нефти и электроэнергии». Прописанный в меморандуме «механизм раннего предупреждения» представляет собой комплекс мер «для опережающей оценки возможных проблем и рисков, связанных с поставками и спросом на энергоресурсы» (раздел 3), а также для «оперативного реагирования в случае угрозы возникновения чрезвычайной ситуации» (раздел 4).

Далее в разделах «Уведомление», «Обмен информацией», «Консультации» достаточно подробно прописан механизм совместных действий для предупреждения.

В упомянутом механизме основной упор делается на двусторонние отношения России и ЕС[11] и не предусмотрено привлечение представителей транзитных государств к мониторингу. В мониторинговую группу смогут войти эксперты от Российской Федерации и ЕС, представители энергетических компаний, а также эксперты авторитетных международных организаций, опять же утверждаемые сторонами (раздел 8). Такой подход понятен: в силу специфики структуры проекта Россией, Евросоюзом и Украиной не было создано совместное предприятие, через которое можно было бы совместно управлять транзитным газопроводом на территории Украины.

Однако такой механизм не может быть применен при реализации проекта. На наш взгляд, в качестве механизма предупреждения чрезвычайной ситуации для нашего проекта более подходящим вариантом является комиссия, например такая, которая предусмотрена в соглашении по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан, поскольку она является совместным органом трех государств. В некоторых двусторонних соглашениях, которые Россия заключила со странами СНГ по транзиту энергоносителей, предусмотрены различные варианты комиссий, однако ни в одном из них не содержится такого внятного перечня функций комиссии, как в соглашении по нефтепроводу Баку — Тбилиси — Джейхан[12].

[11] Координаторами российско-европейского энергодиалога в меморандуме названы министр энергетики Российской Федерации Сергей Шматко и комиссар ЕС по энергетике Андрис Пиебалгс.

[12] Соглашения между Азербайджаном, Грузией и Турцией по транспортировке нефти через территории Республики Азербайджан, Грузии и Республики Турции по основным экспортным трубопроводам Баку – Тбилиси – Джейхан 1999 г.

Статья 6 соглашения определяет состав и функции комиссии следующим образом: государства создают комиссию, в которую входят по два представителя от каждого государства, с целью наблюдения за соблюдением и облегчением имплементации данного соглашения; представители будут в полной мере уполномочены соответствующим государством действовать за него в отношении любого вопроса, который должным образом поставлен перед комиссией относительно проекта.

Далее, согласно пункту 2 данной статьи комиссия собирается по письменному запросу любого государства или инвесторов проекта. В качестве ответа на такой запрос государства должны немедленно проконсультироваться между собой и соответствующими инвесторами проекта с целью оказания быстрой и эффективной помощи по имплементации проекта, а также с целью разрешения на доверительной основе любых сложных вопросов, проблем или споров, которые могут возникнуть в отношении этого соглашения. Кроме того, государства могут обсуждать любые вопросы, связанные с интерпретацией, применением данного соглашения или его вступлением в силу. Помимо этого, в пункте 3 прописаны другие функции комиссии, так как ее полномочия достаточно широки.

Такая комиссия, с нашей точки зрения, является более подходящей моделью для нашего проекта. Помимо перечисленных функций комиссия должна периодически осуществлять плановый мониторинг объектов инфраструктуры и заниматься анализом политической и экономической обстановки в государствах — участниках проекта, в том числе прогнозированием спроса и предложения природного газа. Предполагается, что это поможет предвидеть возможность чрезвычайной ситуации и принять заранее соответствующие меры.

В будущем соглашении по транзиту необходимо также закрепить эффективный механизм урегулирования споров. За основу, на наш взгляд, можно взять процедуру, установленную в межправительственном соглашении о поощрении и взаимной защите капиталовложений между Россией и КНДР 1996 г., которое было ратифицировано в 2006 г. Представленная в этом соглашении схема разрешения споров достаточно подробно регламентирует действия сторон в случае, если переговоры и консультации не привели к необходимому результату[13].

> Ключевым отличием нового подхода является особое внимание, уделяемое обеспечению надежности транзита и преодолению кризисных ситуаций в сфере транзита.

Однако разрешение споров предусматривает более длительную процедуру. Проблема заключается в том, что вопрос транзита энергоносителей является весьма специфическим и нуждается в самом быстром решении, так как в противном случае причиняемый каждой стороне ущерб даже за короткий срок может быть очень серьезным. Поэтому важно сделать так, чтобы большинство вопросов по кон-

[13] Весьма подробно в соглашении проработаны механизмы урегулирования возможных споров (ст. 6, 8). Так, споры между одной из сторон и инвестором другой стороны, возникающие в связи с осуществлением капиталовложений, в том числе споры по вопросам размера, условий или порядка выплаты компенсации, будут разрешаться по возможности путем переговоров. Если таким образом спор не будет разрешен в течение шести месяцев с момента его возникновения, рассмотрение его может быть передано либо в компетентный суд или арбитраж стороны, на территории которой осуществлены капиталовложения, либо в арбитражный суд ad hoc в соответствии с Арбитражным регламентом Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

В случае возникновения спора между сторонами относительно толкования и применения соглашения он будет разрешаться путем переговоров. Если таким образом спор не будет урегулирован, то по требованию любой из сторон он будет передан на рассмотрение третейского суда. Третейский суд будет создаваться отдельно для каждого конкретного случая. Стороны назначат по одному члену суда, а также совместно гражданина третьего государства в качестве председателя суда. Члены суда должны быть назначены в течение двух месяцев, а председатель суда – в течение трех месяцев с момента заявления одной из сторон о своем намерении передать спор на рассмотрение третейского суда. Если указанные сроки не будут выдержаны, то при отсутствии иной договоренности каждая из сторон может обратиться к председателю международного суда с просьбой произвести необходимые назначения. Третейский суд выносит свое решение большинством голосов. Такое решение будет иметь обязательную силу. Каждая из сторон будет нести расходы, связанные с деятельностью назначенного ею члена суда; расходы, связанные с деятельностью председателя суда, а также прочие расходы стороны будут нести в равных долях. По всем иным вопросам третейский суд определит порядок своей работы самостоятельно.

фликту не проходило процедуру разрешения споров, а решалось оперативно, в более упрощенном порядке, а именно с помощью комиссии, о механизме которой говорилось выше.

Тем не менее если возникает необходимость доведения дела до арбитражного суда, то полезно будет применять институт специальной группы мониторинга, создание которой предусмотрено в «Механизме раннего предупреждения» между Россией и ЕС и которая создается для изучения и объективной фиксации текущей обстановки при чрезвычайных и спорных ситуациях. В отличие от комиссии, предусмотренной в механизме России и ЕС, желательно создать ее исключительно из независимых авторитетных экспертов, список которых заранее должен быть согласован сторонами.

В судебном процессе самый сложный момент всегда заключается в выяснении истинной природы вещей, тем более если речь идет о газовом конфликте: по прошествии определенного времени доказывать в суде факт имевших место событий достаточно трудно, поэтому отчет независимых авторитетных экспертов о зафиксированных обстоятельствах и фактах сможет послужить ускорению самого судебного процесса и принятию наиболее справедливого решения. Такой отчет группа экспертов также может представить совместной комиссии для более предметного обсуждения ситуации, что позволит не доводить дело до суда.

Несомненно, что в том случае, если транзитное государство в большей степени экономически заинтересовано в надлежащем исполнении принятых на себя обязательств, то бесперебойный транзит энергоносителей будет также обеспечен в большей степени. Поэтому, если Северная Корея будет не только осуществлять транзит, но и потреблять российский газ, создать такой механизм будет гораздо проще. Единственное, в таком случае необходимо разработать такой механизм, чтобы возможный конфликт между Россией и Северной Кореей не повлиял на поставки российского газа в Южную Корею. Подобная ситуация ущемила бы интересы не только страны-потребителя, но и страны-поставщика из-за невыполнения договорных обязательств.

В данной ситуации стабильность транзита может быть обеспечена в первую очередь с помощью комиссии, которая будет следить за сохранностью объема газа, предназначенного для транзита в том случае, если Россия приостановит поставку газа в Северную Корею и отправит только объем, предназначенный для Южной Кореи.

Однако можно представить ситуацию, при которой работа комиссии по урегулированию кризисных ситуаций на территории Северной Кореи оказалась бы невозможной или неэффективной. Для такого случая в соглашение можно включить условие, в соответствии с которым в случае прерывания транзита газа не по причине договорных отношений между Россией с Южной Кореей Россия будет поставлять сжиженный природный газ из Сахалина в качестве временной замены.

Несмотря на то что это не совсем юридический способ, он будет эффективным и осуществимым при нынешних условиях[14]. Такая возможность также позволит ограничить амбиции страны транзита в плане использования транзита в качестве рычага давления в экономической или политической сфере. Данное условие может быть упомянуто и в двустороннем, и трехстороннем соглашении.

Еще одним важным аспектом для реализации проекта является порядок создания и функционирования **совместного предприятия** по строительству и эксплуатации транзитного газопровода.

Безусловно, лучше всего создавать его также на трехсторонней основе с участием северокорейской стороны. В качестве примера можно взять положения **соглашения по нефтепроводу Бургас — Александруполис[15],** касающиеся международной проектной компании[16]. Статьи 2 и 3 данного со-

[14] Начиная с 2008 г. Kogas ежегодно импортирует сжиженный природный газ компании «Сахалин-Энерджи» в объеме 1,5 млн тонн.

[15] Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Болгарии и Правительством Греческой Республики о сотрудничестве при сооружении и эксплуатации нефтепровода Бургас – Александруполис от 15 марта 2007 г.

[16] Согласно этому соглашению долевое участие сторон в деятельности компании распределено следующим образом: ООО «Трубопроводный консорциум «Бургас – Александруполис» (Россия) – 51 %, проектная компания «Бургас – Александруполис БГ» (Болгария) – 24,5 %, компания «Хелпе-Траки» АЕ (Греция) – 23,5 %, Правительство Греческой Республики – 1 %.

глашения регулируют конкретные вопросы, касающиеся деятельности международной проектной компании, такие как условия содействия сторон ее созданию, доли участия хозяйствующих субъектов в уставном капитале, право отчуждения[17], создание структурных подразделений компании, привлечение субподрядчиков, определение места ее регистрации, необходимое содержание учредительных документов вплоть до формы финансирования строительства нефтепровода.

Таким образом, в будущем соглашении по проекту должны быть установлены по возможности конкретные положения, определяющие принципы создания и деятельности, а также полномочия международной проектной компании, в которых уже учтен баланс интересов государств. При этом совместное предприятие, как собственник газопровода, будет самостоятельно устанавливать плату за услуги по транспортировке газа, учитывая, что такая плата должна быть разумной и экономически обоснованной. Государство транзита должно предоставить совместному предприятию соответствующие права в части пользования земельными участками, по которым будут проходить трубопроводы, на необходимый срок.

* * *

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что для реализации поставок российского газа в Южную Корею транзитом через КНДР можно принять следующие меры правового характера:

1) заключить межправительственное трехстороннее соглашение в формате Россия — КНДР — Республика Корея;

2) заключить межправительственные двусторонние соглашения в форматах Россия — Республика Корея (по поводу поставки) и Россия — КНДР (по поводу транзита);

3) создать на трехсторонней основе (с возможным участием Китая) совместное предприятие для строительства и эксплуатации трубопровода;

4) создать совместную комиссию, в которую входили бы представители России, Республики Корея и КНДР;

5) заранее согласовать список экспертов, из которых формируется специальная группа мониторинга при возникновении кризисных ситуаций, которая должна представить объективный отчет.

Несмотря на то что с 1990 г. КНДР принимала определенные попытки для привлечения иностранных инвестиций[18], включая принятие и изменение необходимых законодательных актов, существуют множество неясностей и некоторая абстрактность (отсутствие конкретики) в предпринимательском праве страны в целом, чтобы было возможно осуществлять совместные проекты с иностранными партнерами.

Поэтому при подготовке межправительственного соглашения по осуществлению рассматриваемого проекта необходимо прописать обязательство Северной Кореи принять специальный закон, касающийся данного проекта, подобно тому, как были приняты специальные законы об экономической торговой зоне Наджин-Сонвон[19] и о промышленной зоне Кэсон[20].

Несмотря на то что в данный момент в части урегулирования проблем транзита энергоносителей отсутствует такой договор, в котором участвовали бы одновременно Россия и обе Кореи, в принципе уже имеются основная двусторонняя правовая база для такого рода экономического сотрудничества между государствами — участниками проекта и определенный опыт.

Иными словами, с международно-правовой точки зрения на данный момент явной преграды для осуществления такого проекта не существует. □

[17] В статьи 2 этот вопрос уточняется следующим образом: «Указанное право участников не может быть отменено в учредительных документах международной проектной компании».

[18] Объем иностранных инвестиций в Северной Корее увеличился с 572 млн дол. в 2004 г. до 1,225 млн дол. в 2009 г. // Официальный сайт Министерства по объединению Республики Корея: www.unikorea.go.kr.

[19] Включая межправительственные соглашения с Южной Кореей было принято 26 юридических документов, касающихся проекта экономической торговой зоны Наджин-Сонвон.

[20] Включая межправительственные соглашения с Южной Кореей было принято 28 юридических документов, касающихся проекта промышленной зоны Кэсон.